

ПОСТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ЭФФЕКТ ПЛАЦЕБО
ОЛЕГ ДИВОВ

Олег Игоревич Дивов
Эффект плацебо
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Корона», подлая тварь, на ранних стадиях плохо ловится. Прыгнуть через океан ей ничего не стоило: от прибрежных городов США до Шанхая, главной базы Восточного флота КНР, часов двенадцать пути. И откуда пошла инфекция, кто кого первым заразил, для нас не играет роли. Если ты начальник разведки флота, то обязан думать и действовать так, словно весь мир уже подцепил вирус, и китайские моряки в том числе. И принимать меры.

Олег Дивов

Эффект плацебо

Так получилось, что ковид-117 у нас открыла разведка. Правда, не санитарная, для которой поиск биологических угроз – служебный долг (потом всех наказали), и не какие-нибудь суперсекретные русские шпионы в логове дорогих зарубежных партнёров (говорят, шпионам тоже влетело), а самая обыкновенная разведка N-ского флота.

Только не подумайте, что её за это наградили.

Без взысканий обошлось, и на том спасибо.

С эпидемией, подступившей к границам Родины, моряки столкнулись, мягко говоря, не вовремя; любой поспешный манёвр, в том числе информационный, грозил срывом задачи государственной важности. Если по-простому, флот был в море, на крупнейших совместных учениях с китайскими товарищами, да ещё и под бдительным присмотром зарубежных партнёров. Вот только вируса не хватало, чтобы дым пошёл из-под фуражек. Посудите сами: обстановка, приближенная к боевой, вычислительные мощности загружены до отказа, думать на отвлечённые темы буквально нечем, и тут на тебе – зараза. А у нас понятийный аппарат не готов к такой экзотике. Против биологической опасности мы знаем два приёма: «срочное погружение» и «топи их всех, пока не началось».

Строго говоря, это русские народные стратагемы на любой случай. И обе никуда не годятся. Нырнуть и спрятаться – значит бросить миллиарды людей на произвол судьбы; нет, так нельзя, не по-нашему. А утопить всех, чтобы не мучились... Мы ведь не можем утопить реально *всех*, правда? То есть, очень даже можем, нам это раз плюнуть, но мешает миролюбивый национальный характер.

Иначе давно бы утопили и зажили наконец спокойно.

Враги просто не подозревают, что у нас других стратегий нет. А мы им не расскажем, вдруг неправильно поймут. Они и так говорят, что русские агрессивные. Ничего себе агрессоры: уже лет семьдесят как всё готово для термоядерной войны на полное уничтожение тех, кто нас неправильно понимает, – то есть остального человечества, – но совесть не позволяет её начать.

И ведь не объяснишь, какие мы на самом деле хорошие.

Но и с того, что мы плохие, нам тоже не полагается бонусов в международном диалоге! Наоборот, вечно ищем компромиссы и делаем скидки на чужой менталитет. И где-то на окраине мозга бродит недобрая мысль: о'кей, гугл, если «историю пишут победители», отчего век за веком Россия спасает мир, ломая хребты непобедимым армиям лютых злодеев, но спасённые делают вид, будто этого не было? То есть, побеждаем физически мы, а исторически – какие-то черти нерусские?

В христианской парадигме такую несправедливость надо

принять со смирением, а в военно-морской – очень хочется всех утопить и пойти домой. Но нельзя. Ты должен стойко держаться, забыв про нервы и самолюбие. Ты обязан решать задачу, а в случае непредвиденных обстоятельств изыскать резервы – и эти обстоятельства тоже порешать. Иначе они свалятся на остальных россиян, а у них резервов нет. Между бедой и гражданскими – только ты. И вертись как знаешь.

А если – не знаешь?

Когда на горизонте нарисовался ковид-117, это было первое, что пришло в голову командующему флотом.

Командующий так и сказал: ну, приплыли.

И ещё сказал: ну, началось.

И добавил: вот чего не хватало нашему краснознамённому флоту! А ведь скажут – точно скажут! – военные должны были знать, что делать!

Давайте теперь бегом: узнали – и сделали!..

Оглядываясь назад, легко язвить и потешаться, говоря, что привлечённые силы и средства выглядели нетривиально (это такое человеческое слово вместо морского термина, означающего выход из безвыходного положения через вход). Но когда у тебя аврал перетекает в стадию полундры (это тоже нормальные слова), а на кону сохранение лица державы в обстоятельствах непреодолимой силы, выбирать не приходится.

Они и не выбирали.

Учения были масштабные, но без фанатизма. Отработывали с китайскими товарищами совместное прикрытие «восточной дуги обороны» и переход в контратаку. А почему без фанатизма – ну, если всё делать «по полному чину», то неплохо бы, пока морская группировка оттянула внимание противника на себя, имитировать операцию по высадке на Аляску легендарной чукотской Армии Вторжения.

Но в этот раз позвонили с самого верха и сказали: ребята, давайте попроще. Дорогие зарубежные партнёры намекнули, что манёвры манёврами, тем более, Китай очень хочет, – пускай развлекается, кто ж ему запретит, – но если мы намерены следующие четыре года общаться с тем же президентом США... Короче, большая просьба: непобедимую и легендарную, наводящую ужас на все живое, чукотскую десантную армию – придержать. Это у нас никто не верит в её существование, а американцы – очень даже. Не будем обострять. Иначе они своего президента окончательно съедят, и так уже почти обглодали. Никаких десантов, никаких вторжений, он вас умоляет.

Штаб ВМФ взял под козырёк – и завоевание Аляски вычеркнул. Осадочек неприятный остался, конечно. Согласитесь, греет душу идея снова поднять на той стороне пролива наш флаг. Пусть даже, так сказать, учебный. На булавочке

воткнуть в бумажную карту – и порадоваться... Ладно, ну её, эту Русскую Америку, как ни вспомнишь о ней, одно расстройство.

Утвердили план, назначили дату – и, помолясь, начали. Приняли делегацию китайских военных специалистов, провели без потерь совместные культурные мероприятия (торжественная встреча, концерт флотской самодеятельности, баня), снялись с якорей, вышли в район развёртывания – и давай там разворачиваться. И китайские товарищи работают поблизости – любо-дорого смотреть. И всё идёт по плану.

Если бы не одно «но».

Чем больше ширился размах учений, тем слабее интересовались ими дорогие зарубежные партнёры. Американская эскадра наблюдения поначалу вела себя как обычно: лезла вплотную, провоцировала, нарушала и нарывалась. С первого же дня мы отгоняли залетевшие как бы невзначай в нашу зону самолёты, вылавливали заброшенные куда не положено буи, а один наглый корвет вообще чудом не задавили. Но чем дальше, тем меньше мы видели машин в воздухе, реже фиксировали облёты, а потом и сама эскадра начала потихоньку таять.

Командующий заволновался. Если люди, чья единственная задача – следить за тобой, вдруг начинают этим пренебрегать, тут одно из двух: либо нашёлся кто-то пострашнее тебя, либо ты что-то делаешь не так. Ни марсианских боевых тренажников, ни всадников Апокалипсиса средства объек-

тивного контроля не фиксировали. Значит, причина в нас, и следует выразить своё адмиральское неудовольствие, но кому именно, черт разберёт. Совершенно непонятно, кого и за что наказывать.

Адмирал саркастически усмехнулся (это не предвещало ничего хорошего) и вызвал того, чья задача следить за теми, кто следит за нами, и знать, почему они делают это плохо.

Начальник разведки флота контр-адмирал Бунин прибыл в командный пост флагмана так стремительно, будто спешил на доклад сам.

Каков бы ни был профиль войск, главный разведчик у них обязательно непоседа, задира и авантюрист; его надо постоянно озадачивать, чтобы он сам не выдумал себе занятие и не спровоцировал международный инцидент. Бунин в этом смысле был типичнее некуда. Его почти не видели в штабе: вечно он «изучал обстановку лично», «налаживал взаимодействие с источниками» или замышлял очередную военную хитрость на выезде. Злые языки поговаривали, Бунин имитирует бурную деятельность, чтобы лишний раз не попадаться начальству под горячую руку. Начальство знало, что это не так, но всё-таки сердилось: Бунин и правда нюхом чуял моменты, когда командующий ободрял личный состав добрым словом и нестрогим выговором.

Но если начальство вызывало, Бунин появлялся мигом. А иногда и быстрее быстрого, вот как сейчас. Хотя, куда ты денешься с флагмана без особого разрешения. И не спрячешь-

ся тут.

– Что мы делаем не так? – спросил командующий, нервно барабанил пальцами по столу. То есть, демонстрируя степень раздражения, за которой могут последовать организационные выводы.

– Разрешите доложить, мы в порядке, – сказал Бунин. – Я как раз по этому поводу. Сейчас расшифровали свежий перехват, и всё стало ясно. У американцев эпидемия гриппа.

– М-да? – буркнул командующий.

Он нашим дорогим зарубежным партнёрам не верил ни на грош.

– Никаких сомнений. Они уже в тихой панике, там физически некому летать, половина пилотов лежит с температурой. И корабли начинают отзываться по той же причине.

– Хм, – сказал командующий. – Не нравится мне это.

– Согласен, товарищ адмирал, беспорядок! – ляпнул Бунин.

Командующий прищурился, раздумывая, не издеваются ли сейчас над начальством, и как начальству следует пошутить в ответ, чтобы некоторым остроумцам стало не смешно. Чтобы осознали, какая на адмирале нагрузка, и в каком он напряжении, и нечего тут цепляться к словам. И вообще нечего тут!

Бунин тем временем пытался понять, что он, собственно, имел в виду под «беспорядком». Решил на всякий случай пояснить свою мысль: «Мы-то стараемся, а они чего?!...», даже

рот открыл, и тут у него в ухе пискнуло.

– Группа перехвата, – негромко произнёс вкрадчивый голос. – У клиента код «лесной пожар». Название штамма «ковид сто семнадцать». Продолжаем работать.

Бунин так и застыл.

– Ну, что у нас ещё плохого? – спросил командующий заинтересованно.

Понятно же: когда идут к старшему, подчинённым оставляют право вызова только для событий с высшим приоритетом. Типа «на нас напали».

– Не готов к докладу, товарищ адмирал. Надо уточнить.

– Давай-давай. В черновом варианте.

Бунин вздохнул.

– Американцы считают, это не грипп, – сказал он. – Объявлена скрытая биологическая тревога. Товарищ адмирал, прошу...

Командующий снова барабанил пальцами по столу.

В такие моменты просить разрешения на любые действия бесполезно: не отпустят. Проще самому убежать: тогда ещё остается призрачный шанс, что тебя поймут и простят.

– Ну, приплыли... – протянул командующий. – Пятнадцать минут тебе хватит на уточнение? Я пока вызываю химика и доктора. Устроим, извини за выражение, консилиум.

– Да что же вы так сразу-то? – почти растерянно и пограждански спросил Бунин.

На миг ему пришло в голову, что всё совсем не страш-

но, просто адмирал загрузил, ищет повода взбудорить личный состав и увидел подходящий случай. С начальством такое бывает. Но... Учения в самом разгаре, у командующего хлопот полон рот. Ему сейчас точно не до воспитательной работы.

– Дай хоть один аргумент против, – скучным голосом предложил командующий. – Если у них биотревога. Да ещё и скрытая, чтобы своих не напугать.

– Ну так у них, а не у нас! – воззвал к логике Бунин.

– М-да... И это мой начальник разведки... – окончательно скучным голосом протянул адмирал. – Нет-нет, я тебя не тороплю с аргументами, ты подумай, осмотрись пока, вдруг что интересное заметишь.

Бунин оглянулся и похолодел.

В глубине командного поста сидел в окружении мониторов и бодро щёлкал клавишами советник-координатор товарищ старший капитан Ли Шенли, для друзей просто Ли. Бунин лично его в баню водил ради укрепления взаимопонимания. Они ещё после хором пели «Москва-Пекин», нещадно путая слова, зато от всей души.

«А ведь прав адмирал: приплыли...»

Любой, кто ступил на нашу землю, хоть с борта гражданского самолёта, хоть с трапа военного корабля, проходит санитарный контроль. Но «корона», подлая тварь, на ранних стадиях плохо ловится. Прыгнуть через океан ей ничего не стоило: от прибрежных городов США до Шанхая, главной

базы Восточного флота КНР, часов двенадцать пути. И откуда пошла инфекция, кто кого первым заразил, для нас не играет роли. Если ты начальник разведки флота, то обязан думать и действовать так, словно весь мир уже подцепил вирус, и китайские моряки в том числе. И принимать меры.

«А если мы впустую паникуем? Нынче порядки не такие раздолбайские, как четверть века назад, когда для ковида-19 несколько месяцев не было границ... Стоп! Люди всё равно летают по планете, разнося заразу. Удаётся им это или нет – неправильный вопрос. Правильный – как сохранить боеспособность флота, если вирус уже на кораблях... А что делать с городом?!»

Бунин за секунду вспомнил всё: и торжественную встречу, и концерт в Доме офицеров, и организованную толпу, окружавшую китайцев – он же сам её инструктировал. В принципе, начальник разведки мог прикинуть все контакты до последнего рукопожатия, хотя это скорее задача Особого отдела... Мама дорогая, если построить возможные цепочки и считать по максимуму, половину базы точно заразили. А база, в свою очередь, сейчас заражает город.

Неужели опять карантин? Молодым лейтенантом Бунин сидел в карантине по ковиду-19, и запах дезинфекции так въелся в память с той поры, что разведчик невольно сморщился.

– Вижу, ты меня понял, – сказал командующий. – Разрешаю идти. Пятнадцать минут... Чего ждешь? Докладывай,

какая там ещё пакость. Начал – так добивай своего адмирала, что уж с ним церемониться.

– Передайте доктору и химику, информация предварительная, но... По данным перехвата, мои клиенты зовут вирус «ковид сто семнадцать».

– Ковид, – повторил командующий. – Ну, началось.

– Ничего ещё не... – шепотом взмолился Бунин. – Мы будем уточнять! Может, они сами ошибаются!

– А почему сто семнадцать?!

– Выясняем.

– Только этого и не хватало нашему краснознамённому флоту! – рявкнул адмирал, да так убедительно, что в командном посту замерли, подобрали животы и крепко сомкнули ягодицы все-все-все, даже товарищ старший капитан Ли.

А Бунин незаметно испарился.

Он вдруг догадался, какие сведения искать, но пока не понял, где.

* * *

– Мне придётся сойти на берег, – сказал Бунин через час. – Разрешите убыть?

Они втроем уговаривали командующего не пороть горячку: Бунин и начальник службы РХБЗ лично, а начальник медслужбы – с берега по видео. В итоге адмирал переубедил всех троих. Мог бы приказать, но ведь именно переубедил,

носом потыкал в факты: положение-то аховое.

«А скажут, – рычал командующий, – скажут, что мы должны были знать! И правильно! А мы – не знаем! Это просто какой-то позор! Куда пропали данные о том, как наши убе-реглись?! Почему только общие слова?! Ничего себе реко-мендация – мойте руки! Хорошо мы будем выглядеть, когда об нас вытрут ноги! И поделом!»

Двадцать пять лет назад N-ский флот удивительно благо-получно пережил вспышку ковида-19. Как показал быстрый анализ архивов, сразу после пандемии уволился по состоя-нию здоровья тогдашний доктор, и этим де-факто ограничи-лась неплановая убыль личного состава. В городе тоже умира-ли не чаще обычного, да ещё умудрялись рожать, как ни в чем не бывало.

Официальная версия гласила: распространение вируса победили чёткие мероприятия по изоляции, а также образ-цовая дисциплина моряков, членов их семей и гражданских специалистов. Флот спокойно дождался появления вакцины, ну и вот. Он только выполнял карантинные нормы как поло-жено, а не как некоторые.

Это выглядело очень красиво, очень логично – и не вну-шало ни малейшего доверия. Именно так и надо делать, но ведь никогда не получается! Даже при организации, близкой к идеалу, вирус дырочку найдёт. Тем не менее, флот непо-нятным образом держался без потерь задолго до появления специальных санитарных методик и апробированных меди-

цинских решений. С самого начала пандемии что-то берегло здоровье N-ского флота, и очень неплохо. Некий таинственный фактор, либо так и не раскрытый тогда, либо забытый за давностью лет.

– Может, всё засекретили? – предположил химик.

– Ага! От тебя! – едко сказал командующий.

– Ну, если они нетрадиционными методами...

– Конечно. Диетой и фитнесом!

Естественно, у доктора и химика были подробные инструкции по защите от коронавирусных инфекций, но без советов, как отбить своими силами первую атаку неизвестного штамма. Изолируйте заболевших, возьмите образцы, доложите наверх и ждите указаний, а пока мойте руки и носите маски. Ни слова о плазме выздоровевших, хотя про неё даже Бунин знал, ничего о кислородно-гелиевых смесях... Понятное дело: это чтобы никакой самодеятельности. Помните, в Москве гражданские с перепугу весь имбирь съели? А военные хуже гражданских, они упорные, им только задай направление мысли, съедят всё без имбиря.

Но что-то ведь тогда придумали – и помогло?

У нас до конца манёвров неделя, учебная битва в самом разгаре, сворачиваться уже просто бессмысленно, в случае ЧП будем держаться на пресловутых резервах. И где они? На что хотя бы похожи?..

Как нарочно, никто из участников «извини за выражение, консилиума» не служил на N-ском флоте в дни панде-

мии. Список личного состава, затребованный из строевой части под честное слово расписаться в секретной тетради когда-нибудь потом, вызвал оторопь: ну и ну, спросить-то некого! Кто помоложе, тогда ещё не кончили училищ, а кто постарше, тех сюда перевели десять, пятнадцать, но никак не двадцать пять лет назад. Береговой состав тоже обновился, живые свидетели событий давно разъехались. Нет, должен был остаться кто-то, но как найти этих людей, не привлекая внимания? Да и что они помнят – загадка.

Командующего буквально разрывало пополам: с одной стороны, он хотел немедленно ввести карантин, с другой – удержать информацию внутри узкого круга во избежание паники и истерики. Сейчас о возможной угрозе знали только они четверо, и ещё дешифровщики службы перехвата, которым Бунин сказал: ребята, вы подписку давали, и не волнуйтесь, у нас всё под контролем.

Ничего под контролем не было, вообще ничего.

– Приказываю исходить из того, что носители уже на кораблях, – заявил командующий. – В лучшем случае ничего не случится, а в худшем – со дня на день флот начнёт терять боеспособность. Готовимся к худшему. Задача – предотвратить. Думать уже некогда, надо искать готовые решения. Они где-то у нас под носом, я уверен. Значит, узнайте, что делать – и делайте! Контр-адмирал Бунин, справку о данных перехвата немедленно мне на стол... Чего уставились, дорогие товарищи?! Да, я собираюсь доложить наверх. «Мы мо-

жем не верить в чертей, но если дома запахло серой, обязаны принять все меры, вплоть до производства святой воды в промышленных масштабах!» Не помню, чьи это слова, но сказано верно. Дайте мне справку, я доложу – а если потом окажется, что я паникёр, пусть об меня вытирают ноги! Но сначала пусть вымоют руки! И вы тоже!

Химик и Бунин спрятали руки за спину. Доктор на мониторе посмотрел куда-то вниз.

– Ковид сто семнадцать... – пробормотал командующий. – Почему?!

– Это бортовой номер фрегата, на котором засекали первую вспышку, – сказал Бунин. – Товарищ адмирал, мне придётся сойти на берег. Разрешите убыть? Есть наводка на интересного человека. Ну и дальнейшую нашу работу мне лучше координировать с базы, если позволите.

– На берегу соблюдай дистанцию, не дыши на людей, – бросил командующий. – Разрешаю.

– Если готовимся к худшему, там носителей уже... – сказал Бунин. – Более чем достаточно.

Командующий тихо зарычал.

– И им уже всё равно, – добавил Бунин. – И нам тоже. А надеть костюм химзащиты я не могу, сами понимаете.

– Хорошо. То есть, ничего хорошего, но... Действуй по обстановке. Кого ты там ищешь?

– Старого доктора.

– Он здесь?! – командующий так резко выпрямился, что

слегка подпрыгнул в кресле.

– Да, но... Все сложно.

– Как ты его вычислил так быстро...

– По спискам. У него сын на берегу служит, тоже медик.

А сам полковник запаса Федосеев был научным сотрудником гражданского института, теперь пенсионер, но... Короче, сложно всё. Родственники неохотно идут на контакт. А я не могу давить на них, пока мы секретим эту историю.

– Даже если он бичует – найди! – приказал командующий.

– Да не бичует, – Бунин досадливо скривился. – Я кое-что заподозрил по некоторым обмолвкам, навёл справки – и угадал. У старого доктора плохо с головой. Он сейчас в неврологическом отделении нашего госпиталя.

– В нашем?... Так какие проблемы? – спросил командующий.

И, не дожидаясь ответа, подвел черту сам.

– Ах, да, неврология. Ты прав. Всё сложно.

* * *

Заведующий отделением полковник медицинской службы Цогоев встретил Бунина в маске.

«Откуда ты знаешь?!» – едва не ляпнул Бунин.

– Ты что-то знаешь, чего не знаю я? – осторожно спросил он.

– Я знаю всё! – прогудел Цогоев, делая страшные глаза. –

А что случилось?

– Это секретная информация. Расскажи о Федосееве.

– Врачебная тайна! – мстительно отрезал Цогоев.

– М-да... Он хотя бы слегка вменяемый? Или вы его на таблетках держите?

– Что за дремучее представление о современной высокотехнологичной медицине!

– Я пришёл в современный высокотехнологичный дурдом! И первое, что вижу – психоневролога в маске! – перешёл в атаку Бунин. – Какое может быть представление? Боязно мне, понял?!

– Стыдно бояться, ты же моряк!

– Так, хватит! Что тут у вас творится?

– Да ничего... Допустим, у меня есть основания прятать морду лица. А работать надо. Вот и всё.

– Температуру мерял? – деловито спросил Бунин.

– Температуру... – протянул Цогоев. – Почему температуру? А ну-ка, больной, доложите мне! На что жалуетесь?

– Это ты докладывай старшему по званию! Мерял или нет, спрашиваю?!

– Зачем?!

– Но ты же кашляешь?!

– Не-ет... А какие ещё симптомы? – заинтересовался Цогоев.

Только сейчас Бунин понял, что у психоневролога в маске затруднена речь, словно тот катает во рту большой ком

жвачки.

– Да иди ты, – сказал Бунин. – Ну так что с Федосеевым? У меня совсем нет времени.

– Да идёт он! – Цогоев усмехнулся и тут же тихонько ойкнул. – Сюда идёт, как будто ко мне на обследование, сядете в кабинете – и общайтесь. Секретная информация, пф-ф... Подписку не забудь взять. Со всех.

– Значит, Федосеев в норме? А почему он здесь?

– Старик принимает терапию, у которой неприятные побочки. Его замучили панические атаки. Он могучий дед, но ПА кого хочешь достанет.

– Всё-таки, терапия – от... – Бунин покрутил у виска пальцем.

Цогоев шумно засопел.

– Да пойми ты, у него могут быть важные данные, – почти взмолился Бунин. – Но если он сумасшедший...

– Ну что за дикий народ, а? Почему если неврология, обязательно сумасшедший? У нас не все сумасшедшие! Федосеева мы приводим в норму перед нейрохирургией. Вживят ему электроды в мозг... Ты чего? Опять испугался?

– Нет-нет, – быстро сказал Бунин. – Конечно электроды, как я сразу не догадался... А что у тебя с лицом?

– Ой, да Наташка сковородкой въехала. Так губу разнесло – третий день притворяюсь, что простужен.

– Надеюсь, не за дело, а от большой любви?

– Так точно. Но могла бы посуду найти и полегче... Ага,

больного доставили. Пойдём.

У двери кабинета Цогоев придержал Бунина за плечо.

– И всё-таки, какие симптомы?

Бунин тяжело вздохнул.

– Я не знаю, – честно признался он.

– Сколько раз говорил, не доведут до добра чурки косо-
глазые, – буркнул Цогоев. – Кого они тогда сожрали, лету-
чую собаку?.. А теперь небось дохлую! А вы с ними целуете-
сь... Значит, одышка, сухость во рту, отсутствие вкуса и
обоняния, нарастающая тяжесть в грудной клетке...

«Кто начальник разведки, ты или я?» – подумал Бунин.

– ...И зачем тебе Федосеев? Спросил бы меня, чего он
натворил под конец своей карьеры.

– Ну, спрашиваю, – неохотно поддался Бунин.

– Ну, докладываю, наши съели весь наличный запас чес-
нока и лука.

Бунин вытаращил глаза.

– Значит, пока на Большой Земле ели имбирь...

– Имбирь? Гречку и туалетную бумагу! Федосеев увидел
этот кошмар по телевизору, собрал наших и говорит: пока
здесь не начался аналогичный массовый психоз, давайте спа-
сать положение. Рекомендации поступят не скоро, будем ис-
кать свои резервы. А из резервов у нас, простите, только эф-
фект плацебо. Дадим народу уверенность, что медицина о
нём не забыла, что она знает свой манёвр, ищет выход и обя-
зательно найдёт! Теперь думайте, как это сделать!.. Поду-

мали – и решили: люди уважают старые народные средства, поддерживать иммунитет надо в любом случае, чеснок и лук для этого самое то, хуже точно не будет, а станет лучше, так и слава богу... И город конкретно ожил! Он сидел в карантине ровненько, жевал целебную траву в назначенных дозах и ждал, когда всё это кончится. И не болел!

– И что, так просто?... – недоверчиво спросил Бунин.

– Чего – просто? Поди заставь целый город и целый флот ежедневно грызть чеснок хотя бы пару месяцев, я на тебя посмотрю! И знать, что если станет хуже – это ты, дурак, придумал.

– Э-э... – Бунин помотал головой. – Почему хуже-то?

– Ну так люди начнут лупить чеснок головками, дальше – острые гастриты, язвы... Мало раздать лекарство, надо контролировать, чтобы им не травились! И ведь сумели! Два месяца народ принимал чеснок ровно по норме, утверждённой начальником медслужбы, закусывал луком тоже по норме – и не болел! Но... Усталость, конечно, накопилась, особенно у врачей, а представь, каково было Федосееву. Один за всех! Ответственный за всё! С неапробированной методикой, бабушкиным рецептом! И думать об этом каждый день... И когда пандемия кончилась, шибанул беднягу инсульт.

– Жаль, – только и сказал Бунин.

– На фоне Паркинсона, – добавил Цогоев. – Тут врачебная тайна не поможет, сам увидишь сейчас... Федосеев двадцать лет сидел на терапии, но всё уже, надо ставить элек-

троды, только с ними есть шанс на облегчение. Вот, готовим к операции... А знаешь, что самое обидное в этой истории с эффектом плацебо для народных масс? Так и не узнали, была ли польза от чеснока. Нигде в мире нет исследований. Думаю, повлияла позиция ВОЗ, они ведь прямо во время пандемии дали официальное разъяснение, что поедание чеснока антинаучно, ни от чего не помогает, а особенно не помогает при коронавирусе!

– Ох ты... А Федосеев – мог это видеть?

– Непременно. И представь его состояние, ага?.. Я тогда в училище от безделья втыкал в смартфон, читал ВОЗовские документы и восхищался: ах, как это правильно, вести разъяснительную работу, а то народ дурной, нажрётся чесноку до массовой вспышки гастрита...

– А как ты теперь считаешь? Помогает чеснок?

– Хуже точно не будет, язвенников сейчас на флоте не держат, – уклончиво ответил Цогоев. – Тут смысл вообще в другом. Когда я читал о чесноке, первым делом подумал, что люди идиоты. Когда о чесноке вспомнил Федосеев – он нашёл способ людям помочь! Как говорится, почувствуй разницу!

– Один за всех. И до инсульта... – Бунин покачал головой. – Ты-то откуда знаешь эту историю?

– Да её полгорода знает, – Цогоев развел руками. – Ладно, загнул, не полгорода, но это старая местная легенда. Удивлён? Я понимаю, в чём дело. Вы, ребята, слишком заня-

ты проблемами флота, чтобы хоть иногда разговаривать с людьми, которые не в чёрной форме. Я не в обиду, чего ты надулся... У вас профессиональная деформация.

– Разболтаешь – тебя деформирую, – пообещал Бунин.

– Уже, – Цогоев вздохнул и поправил маску.

* * *

– ...Иммунитет, дорогой товарищ контр-адмирал, он либо есть, либо его нет, – ровным мертвым голосом тянул Федосеев. – Если всю жизнь плевал на здоровье, можешь съесть тонну чеснока, не поможет. Впрочем, тонна и не усвоится, только испортит желудок. Один зубчик утром, один вечером – достаточно. Но тогда чтобы каждый. У нас было две проблемы: контролировать перемещения и всех кормить иммуномодуляторами. Уж какие нашли, теми и кормили. За жесткий карантин нас даже похвалили...

Кажется, он вяло и равнодушно отмахнулся – так Бунин понял нечеткий жест, распавшийся на множество коротких взмахов. Тяжелое зрелище, когда сильный человек разваливается. Внутри он все еще тверже камня, но камень со временем тоже начнет крошиться, и Бунин гнал от себя мысль, на что это будет похоже.

А еще он видел фото Федосеева в личном деле и представлял, каким действительно могучим дедом и красавцем мог быть доктор в свои семьдесят пять, если бы не болезнь

Паркинсона.

– Когда все кончилось... Не было сил даже радоваться. Помню только усталость, – Федосеев держал голову боком, она тряслась, и Бунин с трудом подавил острое желание вернуться хотя бы ради приличия, чтобы не смущать человека. – Да, усталость. Это было странно, я не привык. Я был такой... Крепкий. И я отвечаю за людей, я должен помогать. А я тогда устал, смертельно устал. Это была ошибка. Надо уметь хоть немного расслабляться. Даже когда война, когда эпидемия. Иначе... Иначе вы устанете, как я. Не повторяйте мою ошибку, молодой человек, послушайте доктора...

– Мы хотим повторить ваш успех, доктор. Значит, по дольке чеснока утром и вечером...

– До-ка-за-тельств-нет, – в одно слово выговорил Федосеев.

– У меня, возможно, есть.

– Хм... – в глазах «старого доктора» что-то блеснуло.

– Голова скоро треснет, столько я впитал медицинской информации, – Бунин слабо улыбнулся. – Узнал много лишнего. Понял, как узко образован... Но один вывод я сделал, и его не оспоришь: эффект плацебо бессилён против коронавирусной инфекции.

– Хм... – повторил Федосеев уже благосклоннее.

– Как вам такое заключение от непрофессионала?

– Смело, – произнес Федосеев с непонятным выражением. Оно показалось Бунину едва ли не злым. Хотя кто его

разберет; при Паркинсоне речь монотонная, и Бунин приказал себе не домысливать эмоции собеседника. Хватит сопереживать, ты на службе. Не за эмоциями пришел, только за информацией.

– Вирус тоже как иммунитет, он либо есть, либо нет. Дальше все зависит от сопротивляемости организма и хронических заболеваний. Психология здесь побоку. Она не в состоянии поднять иммунитет.

– Смело, – повторил Федосеев.

– Конечно, психология поможет людям держать карантин и верить, что командование действует осмысленно. Тут эффект плацебо неоспорим – если его правомерно так называть... К счастью, хроников мы в экипажах не имеем, и остается узкая задача – помочь флотским организмам выстоять против заразы. Одна беда – корабли в море, и это еще надолго...

– У нас тоже флот был в море, – сказал Федосеев. – Тоже учения. В точности, как сейчас, все повторяется... Еще вопросы? Мне пора на процедуру.

Теперь Бунин был уверен, что расслышал в голосе ледяной холод. Поймал взгляд Федосеева и почти испугался.

«Господи, – понял он, – ну конечно! Бедняга чертовски зол на меня. Потому что я на службе, а он нет. Федосеев все отдал бы, чтобы сейчас оказаться на моем месте и побежать спасать людей... Черт побери, могучий ты дед, только бы тебе воткнули электроды благополучно, и отпустило бы тебя

хоть чуток, мы тогда что-нибудь придумаем...»

– Спасибо, наверное все, – сказал он. – Думаю, справимся. Жаль, наши уже далеко, придется скакать вертолетами с корабля на корабль, а это такая потеря времени...

– У нас тоже были корабли вне зоны дальности вертолетов, – Федосеев слегка оживился. – Прыгать с дозаправками – слишком медленно. И тогда наш начальник разведки Кондратьев... не знали его? Авантюрист и умница. Он предложил свой вариант, экстравагантный, но соблазнительный. Командующий сомневался, а потом решил попробовать, и все получилось.

– И как вы добивались до кораблей? – спросил Бунин с неподдельным интересом.

– Очень просто, – сказал Федосеев. – Мы их бомбили.

* * *

Бунин остался на берегу координировать работу. Бросать с самолётов водонепроницаемые мешки с чесноком оказалось не так уж трудно, многие даже попадали точно в корабли, и даже почти ничего там не сломали. Куда сложнее было наладить упаковку чеснока в мешки и выдержать их вес, чтобы авиаторы могли уверенно целиться. Не обошлось без забавных казусов. В один мешок, чтобы догнать до нужной массы, сунули несколько упаковок соли – и угодили прямёхонько в тральщик, на котором уже собирались бить кока,

забывшего соль на берегу.

Командующий регулярно дёргал Бунина: как там перехват, что говорят наши зарубежные партнёры? Тем временем партнёры терялись в догадках. На берег ушла шифровка: «Русские бомбят свои корабли неопознанными предметами».

– Пожалел бы ты убогих, – сказал командующий.

Он был в хорошем настроении: доложил наверх о проблемах флота и своём решении – и сразу перестал волноваться. А чего теперь волноваться-то, действительно, работай по плану и радуйся жизни.

– О'кей, мастер, – ответил Бунин.

И попросил авиаторов как бы случайно уронить один мешок поближе к тому наглому американскому корвету, который, слава богу, не задавили.

Эффект превзошёл все ожидания. Сообщение с текстом «Русские бомбят свои корабли мешками с неопознанными растениями» отправилось непосредственно в Лэнгли.

Группа перехвата допустила утечку информации (абсолютно случайно, ну что вы), и русские шумно аплодировали этому сообщению всем флотом. А там и китайцы подключились.

Русские бомбят свои корабли мешками с какой-то фигнёй – ну да, мы такие, а вам слабо?

Потом все дружно затаили дыхание и развесили уши, но штаб-квартира ЦРУ как в рот воды набрала.

И только на следующий день, когда на N-ском флоте уже и думать забыли про ЦРУ, группа перехвата доложила: парни из Лэнгли нашли профессора-ботаника, который объяснил, что «неопознанное растение» – ничего страшного, и у коренных американцев была очень похожая травка, которую те использовали для лечения простудных заболеваний. Обобщив данные, ЦРУ делает вывод, что на русских кораблях вспышка ОРВИ. Продолжаем работать.

– Понятно. Только впустую мешок потратили, а могли бы съесть, – буркнул командующий разочарованно. – Надо завязывать с этим ложным гуманизмом.

Кажется, на тот момент о вспышке коронавируса на американском флоте уже не знал в остальном мире только глухой – из тех, кому положено знать, конечно. Все спецслужбы, временно отбросив противоречия, вели интенсивный обмен данными; правительства собирали оперативные штабы; медицину исподволь готовили к мобилизации; войска РХБЗ потихоньку расползались по заданным районам.

Китайцы вежливо отказались от чесночных бомбардировок, сказав, что у них есть свои бабушкины средства с недоказанной эффективностью, ничуть не хуже русских. Товарищу Ли на нашем флагмане мерили температуру с интервалом в три часа. Старший капитан переносил экзекуцию с выдержкой, присущей военному моряку. Одно лишь его мучило. Как временно состоящий на довольствии N-ского флота, дважды в день товарищ Ли получал по дольке чеснока на ку-

сочке черного хлеба.

Каждый раз он отправлял Бунину фотографию, на которой очень выразительно глядел прямо ему в глаза поверх этого бутербродика: закуска есть, а где стакан?

Сначала Бунин нервно сглатывал, потом вроде привык и начал просто вздыхать.

* * *

Потенциальную пандемию удалось слаженными действиями разбить на несколько эпидемических очагов и довольно быстро задуть. Журналисты окрестили вирус «лёгкой короной», хотя ничего лёгкого в нём не было, и кому довелось переболеть этой гадостью, вспоминали о ней с содроганием. Просто надо вовремя работать на опережение, закрывать границы, держать карантин – тогда есть шансы отделаться легко.

Общественность так и не узнала, что в донесениях военных и разведслужб вирус проходил под загадочным именем «ковид-117» (и мы вам этого тоже не говорили, если вы понимаете).

Россия официально ввела заградительные меры первой на планете (хотя, по слухам, её втихую чуть-чуть опередил Китай) и прожила свою эпидемию так спокойно, насколько это вообще возможно с учётом масштабов страны и протяжённости границ. Больше было разговоров и беготни за гречкой

с туалетной бумагой, чем самой эпидемии.

Что касается Н-ского флота и пунктов его дислокации, там никто не заболел вовсе. Сыграли роль чёткие мероприятия по изоляции, высокая дисциплина и так далее, как обычно. Флот спокойно дождался появления вакцины, ну и вот.

Правда, по городу ходили слухи, что когда всё кончилось, адмирал и с ним некий старенький отставной полковник были приглашены в Москву. И будто бы это как-то связано с чем-то. И вроде мы не просто чеснок жевали по расписанию, утверждённому начальником медслужбы, а участвовали в секретном эксперименте... Но любой город базирования флота всегда территория военно-морских легенд, там вам такого наплетут, что уши отвиснут под тяжестью лапши. Одна лапша будет русская народная, другую грамотно сварила контрразведка, а третья вообще рикошетом вернулась с того берега – как, например, история Армии Вторжения, которая ещё ждёт своего исследователя и потянет на диссертацию о затейливых путях распространения мифов.

Контр-адмирал Бунин, отмечая с полковником Цогоевым двойной военно-морской праздник (окончание карантина и неналожение на себя взыскания по итогам учений), почти уговорил друга взяться за эту диссертацию. «...У тебя же специализация „психиатрия и неврология“? Сто процентов твоя тема! Ну сам подумай, русские не верят в Армию Вторжения, а американцы верят: что за бред?!» И обещал подбросить материалов из группы перехвата. Но Цогоев отве-

тил, что такие источники сделают тему «закрытой», а судьба засекреченного кандидата наук ему не улыбается.

Зато фраза «русские бомбят», секретней некуда, из тех самых материалов, ушла в народ и прижилась в местном фольклоре. Откуда она взялась такая странная – кто в курсе, тот молчит, только ухмыляется. Да и не всё ли равно. Главное другое: эта фраза может означать любую ерунду, но всегда хорошую.

В смысле, вы не бойтесь, если русские бомбят, они знают, что делают.

В худшем случае возникнет эффект плацебо.

Будет не так сильно хотеться всех утопить и пойти домой.